

В комнате воцарилась такая тишина, что было слышно, как падает иголка.

Дыхание Сюэ Юнь сделалось совсем тихим, едва уловимым. Само время словно остановилось.

Спустя долгие минуты Сюэ Юнь ласково коснулась его макушки. Погладив сына по голове с щемящей нежностью, она негромко произнесла:

— Раз уж ты теперь ничего не помнишь... живи так, как велит сердце. Отныне никто тебе не указ.

— Значит, это правда? — у Хань Хэна затрепетало сердце. Вскинув голову, он пытливо заглянул матери в глаза. Одно лишь её слово разом подтвердило его смутные подозрения.

Сюэ Юнь едва заметно улыбнулась, а в голосе прорезалась неожиданная твердость:

— Тебе не нужно его бояться. Он что, до сих пор прохода тебе не дает, всё лаской улестить пытается? Мне сразу следовало прогнать его со двора и больше на порог не пускать.

Похоже, тётушка Юнь вовсе не собиралась потакать Чжуан Лину. Напротив, она надеялась, что сын ограничится простой дружбой. Её неловкость была вполне объяснима: в эти времена плотская связь между мужчинами считалась делом из ряда вон выходящим.

С другой стороны, Хань Хэна вновь одолели сомнения. Если всё так строго, почему тогда Чжуан Янь открыто прослыл «обрезанным рукавом»? При чем его пристрастия ни для кого не были тайной — Чжуан Лин уж точно знал. Да и поведение Чжуан Яня за обедом, если взглянуть на него сквозь призму мужской любви, становилось вполне понятным: то было ничем иным, как заигрыванием.

Сюэ Юнь будто угадала его мысли. Тень тревоги сошла с её лица, она перестала хмуриться и едва заметно улыбнулась. В этом мимолетном движении сквозило такое благородство и старинная грация, что Хань Хэн невольно залюбовался материнской красотой, позабыв о недавних сомнениях.

— И... как далеко мы с ним зашли? — осторожно, разыгрывая просточка, полюбопытствовал Хань Хэн.

Мать посмотрела на него долгим, пристальным взглядом. Она смотрела с такой жалостью и неизбывной нежностью, что Хань Хэн ощутил, как к горлу подкатывает комок — в душе заговорила глубинная, детская тоска по материнскому теплу.

— Раз не помнишь — и бог с ним, не вороши прошлое, — вздохнула она. — Главное, ничего не бойся. Какая бы беда ни стряслась, мать сумеет тебя защитить. Чжуан Лин с детства зовет меня тётушкой Юнь, так что при мне он своевольничать не посмеет.

«Тут вы, матушка, глубоко заблуждаетесь!»

На свете едва ли нашлось бы место, где Чжуан Лин устыдился бы натворить бед. Парень превосходно умел прикидываться невинной овечкой. Наверняка перед Сюэ Юнь он разыгрывал кроткого послушного мальчика, искусно пряча хищную натуру. А сердобольная женщина верила этой лжи и действительно принимала опасного зверя за беззащитного зайку.

Хань Хэн надеялся выудить у матери хоть какие-то подробности о своем туманном прошлом с молодым князем, но расспрашивать напрямую не решался. Сюэ Юнь явно опасалась, как бы сын снова не угодил в любовные сети Чжуан Лина, и потому делиться деталями не спешила.

Понять её тоже было можно. Чжуан Лин облагодетельствовал их семью, но расплачиваться за доброту собственным сыном женщина не собиралась. Правда, под конец она вскользь обмолвилась, что мечтает поскорее понянчить внуков, но эти чаяния Хань Хэн пропустил мимо ушей.

За время, проведенное в поместье Сюэ, он настолько привык к материнской заботе и ласке, что искренне привязался к этому дому и не прочь был погостить здесь подольше. Но когда Сюэ Юнь ненароком посетовала, что семье отчаянно не хватает твердой мужской руки, Хань Хэн воодушевился. В нём проснулся азарт.

Он мысленно посмеялся над собственной неумной натурой. Прежде, в прошлой жизни, когда он ещё звался Пэй Цзя, пахать приходилось до седьмого пота. Свалившись с простудой, он боялся лишний раз сходить к врачу — не дай бог сорвать съемочный день. В самом начале столичной карьеры он целыми днями позировал для дешевых каталогов, получая за полмесяца сущие гроши, которых едва хватало на аренду убогого подвала. Но стоило ему наконец получить долгожданный покой, как безделье начало душить. Проведя пару дней без дела и не заработав ни медного гроша, Хань Хэн стал ловить себя на мысли, что превращается в бесполезного тунеядца.

Не откладывая дело в долгий ящик, он решил навеститься в ту самую Башню Слушания Лебедей, о которой упоминал трактирный служка. Судя по рассказам, заведение дышало на ладан, а значит, выкупить или арендовать его сейчас можно было за сущий бесценок.

Для выхода в свет Хань Хэн велел приготовить добротное шелковое одеяние. Местные благородные мужи питали слабость к длиннополым одеждам. Пэй Цзя и в прежние времена, на съемочной площадке, обожал исторические костюмы за их утонченный, истинно книжный шик, но никак не ожидал, что его новое тело сядет в шелка как влитое. Белоснежный наряд подчеркивал стройность фигуры. Оглядев свой силуэт в огромном зеркале, которое он недавно вытребовал в спальню, Хань Хэн остался чрезвычайно доволен результатом — истинный благородный муж, сошедший со старинного свитка.

Расправив складки на рукавах, он удовлетворенно кивнул и повернулся к служанке:

— Подай-ка мне маску.

Девушка, до этого заворуженно созерцавшая его облик, так и застыла. Но стоило ей перевести взгляд на обнаженное лицо хозяина, как она мгновенно испугалась.

Впрочем, Хань Хэн давно свыкся с подобной реакцией. Будь он в прежнем обличье, за любое сомнение в его безупречной внешности он без раздумий полез бы в драку — лицо всегда кормило его и было главным поводом для гордости. Теперь же, когда лекарь твердо пообещал вернуть ему прежний облик, причин для уныния не осталось вовсе.

— Молодой господин желает совершить прогулку? — робко спросила служанка, торопливо открывая лаковую шкатулку с маской.

Разгладив тонкую кожу маски, Хань Хэн аккуратно приложил её к лицу перед зеркалом, тщательно прижимая края вдоль линии челюсти. Закончив, он заговорщически подмигнул девушке:

— К ужину вернусь как штык. Только матушке ни слова, договорились? Пусть это останется нашей маленькой тайной.

И пусть скрывавшая его личина казалась совершенно заурядной, его пленительный взгляд выдавал истинную породу.

Служанка густо покраснела, поспешно закивала и взволнованно пробормотала:

— Хорошо... Но вы уж непременно возвращайтесь к ужину, молодой господин!

— Обязательно вернусь, не бойся, подставлять тебя под гнев госпожи я не стану, — ободряюще улыбнулся Хань Хэн.

Он распахнул дверь, намереваясь ускользнуть, но тут же налетел на чью-то грудь.

— О каком таком секрете речь?

От этого сухого, резкого голоса Хань Хэн невольно отшатнулся. Он испуганно вздрогнул, но быстро взял себя в руки и нацепил самую беззаботную улыбку:

— О, Чжуан Лин! Ты ведь только утром ушел, что стряслось? Хэ Тао, ты разве не собиралась помочь на кухне перебрать финики?

— Да... да, конечно! — испуганно пискнула служанка и торопливо выбежала вон.

Чжуан Лин подтолкнул дверь ногой, с глухим щелчком запирая замок, после чего

бесцеремонно уселся за стол напротив Хань Хэна.

Хань Хэн попытался угадать намерения незваного гостя по его лицу, но быстро понял, что затея безнадежна. Чжуан Лин не поддавался никакой логике — его настроение менялось с пугающей быстротой, а капризный нрав граничил с безумием.

С минуту в комнате царило молчание. Чжуан Лин медленно барабанил пальцами по столешнице, так сильно прижимая костяшки к дереву, что кожа на них побелела. Наконец он посмотрел на Хань Хэна с тяжелым прищуром.

— Когда ты обедал с моим братом... ничего там не позабыл?

Хань Хэн на миг замешкался, но быстро вспомнил ту нелепую деталь и кивнул:

— Точно. Я оставил там охапку имбирных лилий.

Чжуан Лин смолк, склонив голову набок с выражением крайнего недоверия. Лишь спустя изрядное время он шумно выдохнул и окинул взглядом наряд Хань Хэна, будто только сейчас его заметив:

— Собрался куда-то? С девчонкой тут любезничал, а как меня увидел — сразу с лица спал. Неужто боишься? — Юноша недобро посмотрел. — Или до сих пор под впечатлением от нашего прошлого разговора?

Хань Хэн не знал, смеяться ему или плакать.

«Мне-то чего бояться? Не я же получил от ворот поворот»

— И с чего бы мне тебя бояться? — вслух произнес он.

Внезапно Чжуан Лин рванулся вперед с пугающей, хищной грацией. Лицо его оказалось так близко, что Хань Хэн едва не вскрикнул от неожиданности. Он не смог вымолвить ни слова и лишь выдавил сухой, хриплый смешок:

— Вижу, от правды ты скорее лопнешь, чем признаешься.

— Ты у меня сейчас договоришься, — процедил Чжуан Лин.

Он двигался молниеносно: рванулся вперед, отпрянул назад, но замахнуться успел еще быстрее. Хань Хэн даже глазом моргнуть не успел, как получил несильную, но весьма ощутимую затрещину. Удар пришелся плашмя, едва коснувшись щеки, однако этого вполне

хватило, чтобы протрезветь. Хань Хэн мысленно обругал себя за глупость: поминать черта в присутствии его свирепого отпрыска определенно не стоило. Этот щелчок по носу послужил отличным напоминанием о том, что язык за зубами держать надо крепче.

Чжуан Лин как ни в чем не бывало принялся неторопливо расправлять обшлага шелковых рукавов, нацепив на лицо маску сонной лени:

— Так о чем вы тут шушукались с этой девкой? Как её там бишь звали...

Видя, что юноша всерьез силится вспомнить имя служанки, Хань Хэн поспешил поднять руки вверх в знак капитуляции:

— Да ни о чем таком! Хотел прогуляться по городу. Сил больше нет сидеть в четырех стенах, я скоро волком взвою от скуки.

— Жар сошел? — Чжуан Лин усмехнулся и без лишних слов потянулся руками к талии собеседника.

Позволить стиснуть себя в объятиях Хань Хэн никак не мог. Всконив со стула слишком резко, он увернулся, но потерял баланс и с грохотом повалил сиденье. Неловко приземлившись, он уперся ладонями в пол и смущенно взмолился:

— Послушай, ваше высочество, ну давай без этих нежностей?

— А что такого? Я всего лишь проверяю, спала ли лихорадка, — Чжуан Лин одним рывком вздернул Хань Хэна с пола за шиворот и бесцеремонно запустил ладонь под ворот его рубахи. — Да ладно тебе ломаться. На твоём теле живого места нет, которого я бы не видел. И не стыдно? Ты только-только на ноги встал, как я могу отпустить тебя на улицу в таком состоянии? Или ты вообразил себе бог весть что?

Хань Хэн мгновенно одеревенел.

— В этой столице те, кто рангом повыше, меня не интересуют — их раз-два и обчелся. А те, кто попроще, сами в очередь выстраиваются, лишь бы я на них взгляд обратил. Но мне до них дела нет. Тоже мне, нашелся тут небожитель, цену себе набивает.

— Конечно, нет, куда уж мне. Так что будь ласков, убери клешни.

Вываться из железной хватки Чжуан Лина было сродни попытке сдвинуть гору. Мальчишка, годами натягивавший тугой боевой лук, обладал нечеловеческой силой. Хань Хэну оставалось лишь безвольно обмякнуть в его руках, изображая из себя безжизненное бревно.

Видя эту уморительную позу покорности судьбе, Чжуан Лин едва сдерживал смех. Войдя во вкус, он принялся нарочито медленно скользить пальцами сквозь тонкий шелк исподнего, поглаживая грудь Хань Хэна, и соорудил самую невинную мину:

— Хм, странно... А где же пуговицы?

— Может, я все-таки сам справлюсь? — Хань Хэн закатил глаза к потолку.

— А, вот они!

Пальцы Чжуан Лина скользнули по голой коже. От этого мимолетного прикосновения Хань Хэн внезапно обдало волной непонятного, щекочущего жара. Кожу покалывало, а по телу против воли побежали мурашки.

— Ну вот, лихорадка унялась, — Чжуан Лин быстро отстранился, спрятав руки за спину.

Хань Хэн с облегчением выдохнул, поспешно запахнул ворот и туго завязал тесемки, возвращая себе прежний благопристойный вид.

— Значит, теперь я свободен и могу идти?

— погоди, — на лице Чжуан Лина на мгновение проступило редкое для него замешательство.

Хань Хэн недоверчиво прищурился, выжидающе глядя на него.

— Сегодня мой брат порывался навестить тебя. Но я его спровадил, — Чжуан Лин произнес это нарочито небрежно, однако внимательно следил за реакцией Хань Хэна.

Хань Хэн сначала озадаченно вскинул брови, но тут же догадался: ревность младшего брата к старшему явно переходила все мыслимые границы.

— Спровадил и ладно, мне-то что. Главное, чтобы тебе спокойнее спалось, — пожал плечами Хань Хэн.

Пока это не вредило его планам на будущее богатство, спорить с неуправляемым юнцом причин не было.

— Там, во дворе... Кое-что для тебя привезли. Это подарок.

На этот раз юноша действительно замялся и отвел взгляд. Хань Хэн, с трудом сдерживая улыбку, изобразил самую светскую любезность:

— Что ж, благодарю.

Он распахнул дверь и замер на пороге. Рот у него невольно приоткрылся от изумления.

Весь внутренний дворик утонул в белизне. Тысячи нежных имбирных лилий покачивались на ветру, источая сильный, пьянящий аромат. Белоснежный ковер стлался до самой ограды. Неужели этот безумец скупил все цветы в столице и завалил ими поместье Сюэ?

Хань Хэн шумно вдохнул воздух, напоенный пряной сладостью, и ошарашенно спросил:

— Ты что, опустошил лавки всех цветочников в городе?

Ответ Чжуан Лина прозвучал как сквозь толщу воды — Хань Хэн все еще пытался переварить увиденное зрелище. Он лишь разобрал тихое:

— Тебе нравится?

Хань Хэн сделал глубокий вдох. От концентрированного аромата у него даже защекотало в носу.

Обернувшись к юноше с улыбкой, он лукаво прищурился:

— Слышал когда-нибудь присказку про одинокий красный цветок среди буйной зелени?

Чжуан Лин озадаченно нахмурился:

— Я знаю только, почему цветы краснеют.

— И почему же? — удивился Хань Хэн.

— Да потому что так красивее, — буркнул Чжуан Лин. — Ну так что, угодил? На мой взгляд, они слишком блеклые. И с чего тебе вообще приглянулась эта простота?

<http://bllate.org/book/20487/2162257>